

Научная статья
УДК 94(474)
doi: 10.17223/19988613/97/15

Трансформация исторического сознания на постсоветском пространстве: сопоставление исторических оценок русскоязычного населения стран Балтии и жителей РФ

Кирилл Александрович Зверев

Костромской государственный университет, Кострома, Россия, zwerew.kir@yandex.ru

Аннотация. Предметом изучения является сравнение изменений в исторических оценках русскоязычных жителей Эстонии, Латвии, Литвы и России в период 1990–2010-х гг. В результате анализа комплекса составляющих государственной исторической политики стран Балтии и Российской Федерации, а также привлечения широкого круга источников по измерению общественного мнения (социологические исследования, опросы населения) удалось выявить различия в оценках прошлого русскоязычным населением Эстонии, Латвии, Литвы и жителями России применительно к конкретным историческим отрезкам и личностям.

Ключевые слова: русскоязычное население стран Балтии, политика памяти, государственная историческая политика, исторические оценки

Для цитирования: Зверев К.А. Трансформация исторического сознания на постсоветском пространстве: сопоставление исторических оценок русскоязычного населения стран Балтии и жителей РФ // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 119–127. doi: 10.17223/19988613/97/15

Original article

Transformation of Historical Consciousness in the Post-Soviet Space: Comparison of Historical Assessments of the Russian-Speaking Population of the Baltic States and Residents of the Russian Federation

Kirill A. Zverev

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, zwerew.kir@yandex.ru

Abstract. The subject of study in the article is the determination of changes in the historical assessments of the Russian-speaking inhabitants of Estonia, Latvia, Lithuania and Russia in comparison for the period of the 1990s - 2010s. The purpose of the study is to analyze the essence of the historical paradigm of the Baltic countries, the degree of its perception by the local titular and Russian-speaking population, as well as comparison with the historical views of the inhabitants of the Russian Federation itself. The research methodology is based on the principles of historicism, objectivity and consistency. In the course of the work, special historical methods were also used - chronological, periodization, retrospection and actualization, as well as individual applied methods of social sciences (sociological survey, sociological observation, content analysis). As a source base for the topic under consideration, of particular interest to us is the sociological study "Historical awareness of the most important events of the last century in Eastern Europe", conducted in April - May 2009 and covered, among others, with identical issues of Estonia, Latvia, Lithuania, Russia (with a sample of interviewees ranging from 1000 to 1600 people in each of the states). As for Latvia, it is worth mentioning the monitoring of social memory in Latvia, carried out in 2010–2013 by the scientists of the University of Latvia Martins Kaprans and Olga Prochevskaya, as well as practically the same monitoring in 2017 made by the same Martins Kaprans and Andris Saulitis. In addition, this work uses sociological polls and research conducted at different times by order of government agencies, private news agencies and the media. As a result of the analysis of the complex of components of the state historical policy of the Baltic states and the Russian Federation, as well as the involvement of a wide range of sources for measuring public opinion (sociological research, population polls), it was possible to identify differences in the assessments of the past by the Russian-speaking population of Estonia and Latvia, Lithuania and the inhabitants of the Russian Federation in relation to specific historical periods and personalities. The smallest discrepancies are caused by the events of early, medieval history, the period of the Russian Empire and the Great Patriotic War. The biggest differences are associated with the assessment of the Soviet period of development. The views of the Russian-speaking youth of the Baltic countries, who were educated after the collapse of the Soviet Union and experienced the measures of local memory politics, are gradually converging with the historical views of Estonians, Latvians, and Lithuanians.

In light of the ongoing educational reforms in Estonia, Latvia, Lithuania (aimed at eliminating Russian-language education), we can assume that in the medium term, this trend will continue, and the differences in the interpretation of past events between the inhabitants of the Russian Federation and the Baltic states will deepen

Keywords: Russian-speaking population of the Baltic countries; politics of memory; state historical policy; historical assessments

For citation: Zverev, K.A. (2025) Transformation of Historical Consciousness in the Post-Soviet Space: Comparison of Historical Assessments of the Russian-Speaking Population of the Baltic States and Residents of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 119–127. doi: 10.17223/19988613/97/15

Распад Советского Союза и последовавшие дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве привели к коренному пересмотру господствующих до этого исторических трактовок. Наиболее резкая смена оценок прошлого произошла в странах Балтии, где уже в 1990-е гг. начала оформляться собственная политика памяти, напрямую связанная с местной внутренней и внешнеполитической ориентацией. Позднее данные наработки стали активно заимствоваться другими государствами ближнего зарубежья – Грузией, Украиной, Молдавией и др. В свете сказанного тем более интересно проанализировать сущность исторической политики стран Балтии, степень ее восприятия местным титульным и русскоязычным населением, а также сопоставить с историческими воззрениями жителей Российской Федерации. Под исторической политикой в данном исследовании мы подразумеваем набор практик, применяемых некоторыми политическими силами для утверждения и доминирования определенных интерпретаций исторических событий [1. С. 6–23]. Понятие «политика памяти» используется нами как синоним исторической политики.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности. При подготовке работы использованы также специальные исторические методы – хронологический, периодизации, ретроспекции и актуализации, а также отдельные прикладные методы социальных наук (социологический опрос, социологическое наблюдение, контент-анализ).

Научная литература, посвященная изучаемой проблематике, относительно немногочисленна и представлена работами как отечественных авторов, так и прибалтийских. Среди российских исследователей, рассматривающих проблемы формирования политики памяти в РФ и за рубежом, следует выделить А.И. Миллера [1. С. 6–23; 2]. Представляют интерес и работы А.Р. Дюкова [3, 4], В.В. Симиндея [5], в которых первостепенное внимание уделяется фактам переписывания истории на постсоветском пространстве в угоду внутренней и внешнеполитической конъюнктуры. Из прибалтийских исследователей, излагающих основы местной исторической парадигмы, отметим М. Лаара [6], А. Астрова [7], И. Фелдманиса [8], В.В. Иванова [9].

В 1991 г. Эстония, Латвия и Литва одними из первых вышли из состава Советского Союза и приступили к оформлению собственной государственности на основе принципа исторической правопреемственности по отношению к республикам 1918–1940 гг. Данная особенность заложила основы местной политики па-

мяти, а именно восприятия советского периода как «оккупации», прервавшей независимое существование республик. Активное отторжение советского прошлого проявилось еще в конце 1980-х гг. – в период «Поющей революции 1987–1991 гг.», на фоне роста националистических и сепаратистских настроений, а также обострения социально-политического и экономического кризиса. Именно тогда в обществе начал активно продвигаться тезис о незаконности инкорпорации Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР в 1940 г. Деятельное участие в распространении данных взглядов сыграли представители Геттингенской рабочей группы ученых, в том числе Борис Мейснер и Дитрих Лёбер, создатели концепции оккупации стран Балтии [10]. В частности, Д. Лёбер выступал на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюдис Литвы), проходившей в Таллине 13–14 мая 1989 г. [11] Помимо прочего, на конференции обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения республик в состав СССР в 1940 г. В этой части мероприятия советолог из ФРГ Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа [12], доказывая тем самым факт «незаконности» и насильственного присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к Советскому Союзу.

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменование 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему), 23 августа 1989 г. народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь», которая была призвана привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников тезиса о «советской оккупации» и популяризации идеи «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик.

Концепция оккупации стран Балтии позволяла прибалтийскому истеблишменту обосновать состоятельность идеи непрерывного существования Эстонской, Латвийской и Литовской республик, провозглашенных в 1918 г. и затем подвергшихся «советской оккупации» с 1940 по 1991 г., и их политическое и правовое возрождение, восстановление в 1991 г. При этом принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, активы республик за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях,

на безоговорочный вывод советских / российских войск со своей территории и выплату компенсаций за «оккупацию». Кроме того, применительно к Эстонии и Латвии не следует забывать и о национальном вопросе, а именно о статусе местного русскоязычного населения, подавляющая часть которого прибыла именно в советский период и, таким образом, не могла претендовать на восстановление гражданства. К 1991 г. русскоязычное население составляло до 35% жителей Эстонии [13], до 45% населения Латвии [14], до 9% жителей Литвы. Применительно к Литве следует упомянуть и о польском меньшинстве в 7% [15].

Однако не следует отождествлять с прибалтийской государственной исторической политикой исключительно тезис о «советской оккупации». Вторым ее важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал *принцип этноцентризма*, под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов, к государственному строительству, направленным на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульных наций во внутригосударственной жизни республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом местной политики памяти стал *принцип антикоммунизма*, направленный на развенчание «преступлений коммунизма» против эстонского народа. По нашему мнению, данный принцип не столько характерен для Прибалтики, сколько для государств Восточной Европы в целом. В странах Балтии он применялся в большей степени для достижения внешнеполитических целей и заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг.

Разумеется, новые взгляды на события прошлого начали активно популяризоваться на всех уровнях – от преподавания истории в школе и выпуска научных трудов до создания исторических фильмов, музеев, памятников, вписывающихся в новую историческую концепцию [16–19].

Что же касается Российской Федерации, то здесь в 1990-е гг. официальные власти устранились от какого-либо влияния на исторический дискурс, и лишь со второй половины 2000-х гг. ситуация стала меняться: был получен «государственный заказ» на создание нового учебника по Отечественной истории (под редакцией А.А. Данилова, А.В. Филиппова) [20]. Кроме того, на уровне высшего руководства страны активизировалась борьба с попытками фальсификации истории, в особенности событий Второй мировой войны и периода существования Советского Союза [1. С. 6–23].

Тем не менее процессы трансформации исторического сознания, запущенные в годы перестройки и периода становления национальной государственности на постсоветском пространстве не прошли бесследно. Наиболее значительные изменения оценок прошлого (в первую очередь событий XX в.) по вышеозначенным причинам произошли в Прибалтийских республиках. Затронули они и местное русскоязычное население, которое также оказалось вовлечено в национальную

политику памяти. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований и опросов, причем наиболее показательны опросы, характеризующие отношение к событиям XX в., а именно к межвоенному периоду, советской власти, событиям Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В связи со специфичностью рассматриваемой темы особый интерес для нас представляет социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», проводившееся в апреле–мае 2009 г. и охватившее, помимо прочих, с идентичными вопросами Эстонию, Латвию, Литву, Россию (с выборкой интервьюируемых в количестве от 1 000 до 1 600 человек в каждом из государств) [21]. Применительно к Латвии следует упомянуть также о «Мониторинге социальной памяти Латвии» (*Latvijas sociālās atmiņas monitorings*), проведенном в 2010–2013 гг. учеными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской [22], а также практически аналогичном мониторинге 2017 г. того же Мартинса Капранса и Андриса Саулитиса [23]. Также в данной работе используются социологические опросы и исследования, проводившиеся в различное время по заказу государственных учреждений, частных информационных агентств и СМИ.

В случае со странами Балтии и особенностями местной государственной исторической политики, обозначенными выше, весьма важное значение приобретает общественная оценка периода существования независимых буржуазных республик межвоенного периода. На наш взгляд, официальным структурам Таллина, Риги, Вильнюса удалось «привить» русскоязычному в целом положительное или нейтральное отношение к данному историческому периоду. В частности, применительно к первой Латвийской Республике 1920–1930-х гг. и правлению Карлиса Улманиса (латвийский политический деятель, авторитарный правитель Латвийской Республики в 1934–1940 гг.) лишь 12% нелатышей дали негативную оценку, 73% регулярно отмечают 18 ноября 1918 – День провозглашения независимости [23. Л. 10]. В Эстонии схожая ситуация: 70% русскоязычных респондентов высказали положительное отношение к Первой Республике и Константину Пятсу (эстонский политический деятель, авторитарный правитель Эстонской Республики в 1934–1940 гг.). При этом оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии Виктора Кингисеппа (российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940 г., председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946 гг.), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). При этом поддержку первому президенту новой Эстонии – Леннарту Мери – высказали 76% неэстонцев, среди коренных

жителей таковых было 90% [21]. Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны) касательно большей части исторических событий, что говорит об отсутствии поляризации общества, существовании своеобразного диалога в эстонском и латвийском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй мировой войны). Литва же в данном контексте имеет собственную специфику, заключающуюся в более однородном этническом составе населения, а также в ставке местного истеблишмента на литуанизацию истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) [18, 24]. Так, по заказу литовского информационного портала DELFI компанией по исследованию общественного мнения и рынка Spinter tyrimai было проведено социологическое исследование в январе 2012 г., согласно которому с государственностью у жителей Литвы в наибольшей степени ассоциируется праздничный день 16 февраля (1918) – провозглашение независимости первой Литовской Республики (поддержали 45,6% респондентов), в то время как День коронации короля Миндаугаса и знаменующееся этим создание Великого княжества Литовского (22,2% опрошенных), 11 марта (20,3%) или нынешний День Конституции (1,6%) в сознании жителей Литвы утвердились гораздо слабее [25]. Другими словами, Вильнюсу наряду с северными прибалтийскими соседями удалось достигнуть консенсуса в обществе относительно принципа правопреемственности новых государств к республикам 1918–1940 гг., а также положительного (либо по крайней мере нейтрального) отношения к ним со стороны национальных меньшинств.

Однако, как уже упоминалось ранее, основным камнем преткновения в историческом дискурсе стран Балтии является вопрос о правомерности инкорпорации республик в состав СССР и само отношение к советскому прошлому. Так, согласно данным эстонских социологов, в 2007 г. в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г., аналогичное утверждение поддержали 56% [26]. Весьма показателен и социологический опрос, проведенный по заказу правительства г. Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. При этом доля неэстонцев, критически воспринимающих тезис о «советской оккупации», постоянно растет [27]. По нашему мнению, данные настроения, не отвечающие основным устремлениям местной государственной исторической политики, могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж памятника павшим во Второй мировой войне в Таллине и вызванные этим массовые беспорядки), но и отчужденности местного русскоязычного населения от Эстонской Республики вследствие языковой поли-

тики, ущербного правового статуса (отсутствие гражданства) [28].

В соседней Латвии оценочные суждения русскоязычного населения во многом совпадают с мнением эстонских русских. Об этом свидетельствуют результаты упомянутого выше «Мониторинга социальной памяти Латвии» 2010–2013 гг. [22], а также аналогичного мониторинга 2017 г. [23]. Исследования показали достаточно низкий общественный интерес к истории Латвии до XX в. как у латышей, так и у русскоязычных: менее половины респондентов не выработали какое-либо отношение к раннему периоду отечественной истории. Интерес латышей возрастает к этапу развития Латвии в составе Российской империи и особенно к Латвийской ССР, – именно применительно к данным периодам было высказано наиболее положительное отношение. Не меньший интерес русскоязычные проявляют и к «Поющей революции 1987–1991 гг.», новейшей истории Латвии (с 1991 г.), однако здесь наблюдается доминирование негативных оценок у 60% респондентов, чьим родным языком является русский [23. Л. 10]. Это явно указывает на преобладание в местном политическом и информационном поле дискуссий именно о XX веке, как и предусмотрено латвийской политикой памяти.

Основные же противоречия, как и в соседней Эстонии, вызывают события Второй мировой войны и обстоятельства вхождения республики в состав Советского Союза. Именно данный период является доминирующим в современном латвийском историческом дискурсе с подачи официальной Риги на протяжении всех 1990–2010-х гг. Однако в обществе уже наблюдается усталость от постоянного муссирования тем «советской оккупации». Так, 69,2% русскоязычных считают тему событий 1940 г. (инкорпорация Латвийской Республики в состав СССР) неактуальной, среди латышей таковых 43% [22. Л. 21]. При этом, события 1940-х гг. продолжают разделять общество. Согласно исследованию, проведенному при поддержке «Фонда Сороса – Латвия» в начале 2019 г., «лишь 5% русскоязычных школьников считают, что в 1944 г. СССР оккупировал Латвию (среди латышей таковых 62%). 23% учащихся из числа латышей уверены, что российский народ должен взять на себя ответственность за репрессии и депортации (среди представителей титульной нации так думают 72%). Объективными учебники истории считают 26% русскоязычных школьников и 65% латышских учащихся» [29]. В опросе принимали участие 400 учеников 12-х классов латышских и русскоязычных школ. Согласно другому исследованию общественного мнения, проведенному в 2013 г. [30], интерпретация событий XX в. в школьных учебниках истории также не вызывает доверия у русскоязычных учеников.

Вместе с тем упомянутый выше «Мониторинг социальной памяти Латвии» 2017 г. продемонстрировал настораживающую для официальной Риги тенденцию: 1/3 русскоязычных хочет возвращения назад времен Советского Союза, и их число по сравнению с 2013 г. увеличилось [23]. Среди русскоязычных, которые считают себя более информированными, меньше тех, кто думает, что Латвия была оккупирована, а среди латы-

шей – наоборот. Данный факт свидетельствует о том, что у этих людей, очевидно, разные источники информации [31].

Данные другого исследования – SKDS «Внешнеполитические мифы в Латвии: ЕС и Россия», – заказанного фондом поддержки Малой исторической библиотеки Латвии и проведенного в июне 2012 г., показали, что более половины латвийцев (54,4%) полагают, что Латвии было хорошо в составе СССР. В то же время почти половина (46,8%) позитивно оценивают распад Советского Союза [31]. Схожие результаты показал и опрос, проведенный в конце 2012 г. при финансовой поддержке Министерства культуры. Согласно его данным, 57% опрошенных считают советские времена хорошими, что на 2,5% больше, чем было в 2010 г. Удельный вес отрицательно относящихся к этому периоду уменьшился на 1,7% – до 26,8%. В свою очередь, 19% респондентов, в основном русскоязычных, хотели бы восстановления советского режима в Латвии, а 65% не хотели бы этого. Большинство респондентов по-прежнему признают, что подписанное 23 августа 1939 г. соглашение между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова–Риббентропа) повлияло на превращение Латвии в составную часть СССР. В 2004 г. с этим утверждением были согласны 56% опрошенных, а в 2012 г. – 63,8% [32].

Другими словами, эстонское и латвийское общество расколото по этно-национальному признаку в оценках событий Второй мировой войны и советского прошлого. При этом по мере углубления противоречий русскоязычное население все более дистанцируется от позиций официальных Таллина и Риги в данном вопросе, поляризация мнений растет. Однако о неизбежности взглядов нелатышей и неэстонцев также нельзя однозначно утверждать. Так, в упомянутом выше «Мониторинге социальной памяти Латвии» за 2012 г. содержится вопрос об отношении жителей Латвии к основным праздничным датам: день памяти латышских легионеров СС поддерживают 55,8% латышей, но удивительно, что среди местных русскоязычных положительное отношение к данному торжеству высказали 31%. При этом 9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне – отмечают 38,8% латышей и 77,1% русскоязычных [23]. По мнению латвийского исследователя Виктора Макарова, «День Победы стал знаковым [для русскоязычных жителей Латвии], как и для России, именно в последние годы. Десять лет назад такого количества молодежи в Риге к памятнику Победы не приходило» [33. С. 150]. Здесь В. Макаров солидарен с мнением исследователей Института истории Латвии Мартинса Капранса, Ольги Прочевской, Андриса Саулитиса о существовании в республике как минимум двух параллельных информационных полей – латышскоязычного и русскоязычного, каждое из которых рассчитано исключительно на свою аудиторию. Понимая это, латвийский истеблишмент с 2015 г. начинает активное наступление на русскоязычные СМИ: в 2015 г. «Первый Балтийский Канал» оштрафован за «необъективное освещение военного конфликта на Востоке Украины» [34, 35], в 2019 г. приостановлено вещание девяти российских каналов [36],

возрастает давление на пророссийское информационное поле. Запрет российских каналов говорит об их действенности и влиянии на местное русскоязычное население, а значит, недостаточное восприятие латвийской государственной исторической парадигмы со стороны национальных меньшинств.

Настроения национальных меньшинств Литвы также удалось выяснить благодаря социологическим исследованиям. В частности, представляет интерес опрос компании по изучению общественного мнения Baltijos tyrimai («Балтийские исследования»), проведенный 27 июня – 12 июля 2016 г. В составе респондентов были исключительно нелитовцы: 46% – поляки, 35% – русские, 8% – белорусы, 6% – украинцы, 2% – евреи, 3% – представители других национальностей. 64,8% участников исследования положительно ответили на вопрос, защищали бы они Литву, если бы на нее напали. В 2014 г. в Литве высказались утвердительно по аналогичному вопросу 57% населения, в 2005 г. – 32% [37]. Другими словами, степень лояльности к официальному Вильнюсу среди национальных меньшинств за 10 лет практически удвоилась. В том же 2016 г. с утверждением, что граждане Литвы стали бы защищать свою страну в случае агрессии, больше соглашались русские (65%), в числе поляков таковых было меньше (59,9%). «В вопросе обороны страны русские всегда были активнее, особенно жители младшего возраста, которые отождествляют себя с этим государством», – отметил заместитель директора Baltijos tyrimai Ромас Мачюнас (цит. по: [37]).

Однако при этом только 42,8% участников опроса согласны с утверждением, что для безопасности Литвы важны членство в ЕС и НАТО. Между тем утверждение, что часть представителей нацменьшинств нелояльна по отношению к Литве, были оценены следующим образом: меньше трети с этим согласились, 33,4% не сказали ни да, ни нет, 31,2% не согласились. Интересные результаты показали и вопросы о международной политике. К примеру, больше половины участников опроса (52,8%) согласны с утверждением, что российская политика – адекватная реакция на направленные против нее действия США и НАТО. Кроме того, присоединение Крыма к России законным действием считают 42,8% участников опроса. Больше всего это утверждение поддерживали выпускники русскоязычных школ – 48,3%, среди выпускников польских школ – 39,5%. Наконец, 40,8% участников опроса согласились с мнением, что «развал СССР – это самая большая геополитическая катастрофа». Интересно, что с этим были склонны согласиться воспитанники польских школ (43,4%), учащихся русских школ с таким мнением было немного меньше (41,2%) [37].

Если обратиться к историческим оценкам в российском обществе, то россияне в целом проявляют не меньший (по сравнению с жителями стран Балтии) интерес к отечественной истории. По утверждению респондентов, 71% из них интересуется историей своей страны, а две трети полагают, что знают новейшую историю государства [38]. Это даже более высокий показатель, нежели среди русскоязычного населения стран Балтии [21]. Кроме того, в России также имеет место

более выраженная ностальгия по Советскому Союзу: 56% респондентов сожалеют о распаде СССР [39]. Три четверти граждан РФ (75%) считают советскую эпоху лучшим временем в развитии страны [40]. При этом можно смело констатировать, что в отечественном историческом дискурсе обстоятельства присоединения Прибалтийских республик к СССР по понятным причинам не занимают значительного места. Не является центральной и тема советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова–Риббентропа) и секретных протоколов к нему о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Само существование данных секретных протоколов было осуждено еще в 1989 г. на II Съезде народных депутатов СССР [41], обнародованы они были в 1993 г. и после этого неоднократно публиковались. Однако осведомленность об этих документах в российском обществе остается достаточно низкой. В частности, в 2017 г. 38% россиян вообще не знали о существовании пакта Молотова–Риббентропа (в 2010 г. таковых было 46%). В существование секретных протоколов к пакту верят 40% респондентов, 17% полагают, что протоколы – фальшивка, 33% опрошенных признались, что даже не слышали об этих документах [42].

Данные цифры свидетельствуют об отсутствии значительного общественного интереса к обозначенной проблематике. Хотя, безусловно, события Второй мировой и особенно Великой Отечественной войны являются центральными в российской политике памяти и историческом дискурсе. Это можно подтвердить и на основе результатов упомянутого выше исследования «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов»: более 95% россиян оценили негативно нападение Германии на СССР [43. С. 21]. Для сравнения, в Эстонии, Латвии, Литве данное событие вызывает отрицательный отклик у 80–89% [43. С. 15]. При этом к капитуляции Германии в 1945 г. положительно относятся 90% жителей РФ и лишь половина населения стран Балтии [21].

Если же обратиться к общественным оценкам исторических событий и персоналий XX в. вне контек-

ста Второй мировой войны, то здесь расхождения между государствами весьма значительны. Например, личности Николая II, Владимира Ленина, Феликса Дзержинского, Иосифа Сталина жителями России оцениваются в среднем на 25–30% более положительно, нежели в странах Балтии. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении к Октябрьской революции 1917 г. При этом воззрения молодого поколения (респонденты младше 25 лет) в Эстонии, Латвии, Литве являются более радикальными (на 5–10%), нежели более возрастных респондентов. В России же наблюдается обратная тенденция [21; 43. С. 21–29].

По нашему мнению, данные особенности свидетельствуют о принципиально разных подходах в государственной исторической политике. Если в странах Балтии ставка делается на антисоветскую / антироссийскую риторику и «национализацию» истории (написание истории эстонцев, латышей, литовцев), то в России, наоборот, сказывается отсутствующая линия исторической политики, в которой прослеживается лишь ставка на Великую Отечественную войну.

Таким образом, можно констатировать что исторические оценки русскоязычных жителей стран Балтии и россиян имеют различия в зависимости от того или иного периода. Наименьшие расхождения вызывают события ранней, средневековой истории, периода Российской империи и Великой Отечественной войны. Наибольшие различия связаны с оценкой советского периода развития. Взгляды русскоязычной молодежи стран Балтии, получившей образование уже после распада Советского Союза и испытывавшей на себе влияние местной политики памяти, постепенно сближаются с историческими воззрениями эстонцев, латышей, литовцев.

В свете продолжающихся образовательных реформ в Эстонии, Латвии, Литве, направленных на ликвидацию русскоязычного образования, мы можем предположить, что в среднесрочной перспективе обозначенная тенденция продолжится, а различия в интерпретации событий прошлого между жителями Российской Федерации и стран Балтии углубятся.

Список источников

1. Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
2. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–23.
3. Дюков А.Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.
4. Дюков А.Р. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008. 152 с.
5. Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии : материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2011. 264 с.
6. Laar M. Estonia's way / trl. by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn : Tallinna Raamatutrukikoda, 2006. 296 lk.
7. Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.
8. Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты // Министерство иностранных дел Латвии URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd> (дата обращения: 04.07.2019).
9. Иванов В.В. Гекатомба. Трилогия. Ч. 2: Страшная ночь : к вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе : сб. док. Вильнюс, 2006. URL: <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения: 08.12.2019).
10. Meissner B., Loeber D.A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel : Beiträge 1954–1994. Hamburg : Bibliotheca Baltica ; Tallinn : Ühiselu, 1995. 319 l.
11. Балтийская ассамблея : сб. докл., Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн : Валгус, 1989. 15 с.
12. Graf Mati Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine, 1988–1991. Tallinn : Argo, 2012. 456 lk.
13. 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus // Statistikaamet [Департамент статистики]. URL: <http://www.stat.ee/dokumendid/26769> (дата обращения: 29.01.2021).
14. Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites // Latvijas Vēstnesis. 2002. 30 apr. № 65.
15. Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida / red. D. Ambrozaitienė. Vilnius : Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.

16. Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 167–177.
17. Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 1–14.
18. Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990–2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.
19. Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
20. История России, 1945–2007 гг. : 11 класс : учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М. : Просвещение, 2008. 367 с.
21. Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a // Saar Poll. 2009. September. URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
22. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums / red. M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. Nr. 1. 55 lpp.
23. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums / red. M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. Nr. 2. 72 lpp.
24. Зверев К.А. Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.
25. Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения: 24.10.2020).
26. Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt. 2007. 21 мая. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения: 28.11.2020).
27. Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 окт. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-estii-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения: 28.11.2020).
28. Зверев К.А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Кострома, 2015. 298 с.
29. В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ // rus.DELFI.lv. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciyu-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266> (дата обращения: 08.09.2019).
30. Латвия: как пишут учебники истории // Русская служба BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (дата обращения: 08.09.2019).
31. Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM. 2013. 16 марта. URL: <https://regnum.ru/news/1636769.html> (дата обращения: 28.10.2020).
32. Исследование: латыши стали менее негативно относиться к советскому периоду // rus.DELFI.lv. 2013. 15 марта. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshei-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554> (дата обращения: 23.11.2020).
33. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2009. С. 148–157.
34. «Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе // РИА Новости. 2015. 23 окт. URL: <https://ria.ru/20151023/1307120312.html> (дата обращения: 25.11.2020).
35. В Латвии решили приостановить вещание девяти российских телеканалов // РИА Новости. 2019. 20 нояб. URL: <https://ria.ru/20191120/1561168063.html> (дата обращения: 25.11.2020).
36. Волков К. В Латвии запретили вещание семи телеканалов RT // Российская газета. 2020. 30 июня. URL: <https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html> (дата обращения: 25.11.2020).
37. Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv. 2016. 8 авг. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-hto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения: 27.11.2020).
38. Каменчук О.Н., Федоров В.В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе // Вестник МГИМО Университета. 2009. № S4. С. 311–318.
39. Белуза А. Союз ностальгии. О распаде СССР сожалеют больше половины россиян // Российская газета – федеральный выпуск. 2016. 5 дек. № 276 (7144). С. 3.
40. Мухаметшина Е. Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости. 2020. 24 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 07.02.2021).
41. Постановление Съезда народных депутатов СССР о пакте Молотова–Риббентропа от 24.09.1989 г. // Правда. 1989. 28 дек.
42. Почти 40% россиян не вспомнили о существовании пакта «Молотова–Риббентропа» // Интерфакс. 2017. 13 сент. URL: <https://www.interfax.ru/russia/578864> (дата обращения: 10.02.2021).
43. Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов», апрель–май 2009 г. : краткий аналитический отчет. М. : Евразийский монитор ; Социологическая мастерская Задорина, 2009. 52 с.

References

1. Miller, A. & Lipman, M. (eds) (2012) *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Miller, A. (2009) Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and history]. *Pro et Contra*. 13(3-4). pp. 6–23.
3. Dyukov, A.R. (2010) Istoricheskaya politika ili istoricheskaya pamyat' [Historical politics or historical memory]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1. pp. 133–148.
4. Dyukov, A.R. (2008) *Vtorostepennyi vrag. OUN, UPA i reshenie "evreyskogo voprosa"* [Secondary enemy. OUN, UPA and the solution of the "Jewish question"]. Moscow: Regnum.
5. Dyukov, A. & Simindey, V. (2011) *Gosudarstvennaya istoricheskaya politika Latvii: materialy k izucheniyu* [State Historical Policy of Latvia: Materials for Study]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat'."
6. Laar, M. (2006) *Estonia's Way*. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda.
7. Astrov, A. (2012) Istoricheskaya politika i "ontologicheskaya ozabochennost'" malykh tsentral'no-evropeyskikh gosudarstv (na primere Estonii) [Historical politics and "ontological concerns" of small Central European states (a case study of Estonia)]. In: Miller, A. & Lipman, M. (eds) *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 184–216.
8. Feldmanis, I. (n.d.) *Okkupatsiya Latvii – istoricheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty* [Occupation of Latvia – historical and international legal aspects]. [Online] Available from: <https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd> (Accessed: 4th July 2019).
9. Ivanov, V.V. (2006) *Gekatomba. Trilogiya* [Hecatomb. Trilogy]. Vol. 2. Vilnius: [s.n.]. [Online] Available from: <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (Accessed: 8th December 2019).
10. Meissner, B. & Loeber, D.A. (1995) *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994*. Hamburg: Bibliotheca Baltica; Tallinn: Ühiselu.
11. Popular Front of Estonia. (1989) *Baltiyskaya assambleya: sb. dokl., Tallinn, 13–14 maya 1989 g.* [Baltic Assembly: Collection of Papers, Tallinn, 13–14 May 1989]. Tallinn: Valgus.

12. Graf, M. (2012) *Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine, 1988–1991*. Tallinn: Argo.
13. Statistikaamet [Departament statistiki]. (n.d.) *2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeeelte oskus*. [Online] Available from: <http://www.stat.ee/dokumendid/26769> (Accessed: 29th January 2021).
14. *Latvijas Vēstnesis*. (2002) Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites. 30th April.
15. Ambrozaitienė, D. (ed.) *Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida*. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės.
16. Zverev, K.A. (2020) Gosudarstvennaya istoricheskaya politika v sovremennoy Latvii [State Historical Policy in Contemporary Latvia]. *Problemy natsional'noy strategii*. 1(58). pp. 167–177.
17. Zverev, K.A. (2021) Istoricheskaya politika Estonskoy Respubliki v kontekste natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Historical policy of the Republic of Estonia in the context of nation-building]. *Problemy natsional'noy strategii*. 1(64). pp. 1–14.
18. Zverev, K.A. (2019) Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoy bor'be Pribaltiyskikh respublik v 1990–2000-e gg. [History as a propaganda tool in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s – 2000s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 25(1). pp. 79–81.
19. Zverev, K.A. (2020) Formirovanie ofitsial'noy istoricheskoy paradigmy nezavisimoy Litvy [Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania]. *Vseobshchaya istoriya*. 3. pp. 3–13.
20. Danilov, A.A., Utkin, A.I. & Filippov, A.V. (eds) (2008) *Istoriya Rossii, 1945–2007 gg.: 11 klass* [History of Russia, 1945–2007. Grade 11]. Moscow: Prosveshchenie.
21. Saar Poll. (2009) *Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai*. Septmber. [Online] Available from: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitus_23_09_2009.pdf (Accessed: 8th November 2020).
22. Kaprāns, M. & Procevska, O. (eds) (2013) *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums # 1*. Rīga: [s.n.].
23. Kaprāns, M. & Saulītis, A. (eds) (2017) *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums. Nr. 2*. Rīga: [s.n.].
24. Zverev, K.A. (2020) Vopros o statuse russkoyazychnogo i pol'skogo naseleniya Litvy kak chast' gosudarstvennoy istoricheskoy politiki [The issue of the status of the Russian-speaking and Polish population of Lithuania as part of the state historical policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki*. 3. pp. 128–137.
25. rus.DELFI.lv. (n.d.) *Dlya zhiteley Litvy smysl gosudarstvennosti neset 16 fevralya, a ne 11 marta* [For residents of Lithuania, the meaning of statehood is carried on February 16, not March 11]. [Online] Available from: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhiteley-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (Accessed: 24th October 2020).
26. DELFI.lt. (2007) *Vsego 7 protsentov. Estonskie russkie veryat v okkupatsiyu* [Only 7 percent. Estonian Russians believe in occupation]. 21st May. [Online] Available from: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (Accessed: 28th November 2020).
27. Tamm, M. (2009) Narva: Estoniya dobrovol'no prisoedinilas' k Sovetskomu Soyuzu [Narva: Estonia voluntarily joined the Soviet Union]. *Postimees*. 7th October. [Online] Available from: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-estii-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (Accessed: 28th November 2020).
28. Zverev, K.A. (2015) *Russkoyazychnoe naselenie Estonskoy Respubliki v kontekste gosudarstvennoy natsional'noy politiki (1992–2007 gg.)* [The Russian-Speaking Population of the Republic of Estonia in the Context of State National Policy (1992–2007)]. History Cand. Diss. Kostroma.
29. rus.DELFI.lv. (n.d.) *V okkupatsiyu Latvii verit 5% uchениkov russkikh shkol* [5% of students of Russian schools believe in the occupation of Latvia]. [Online] Available from: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupatsiyu-latvii-verit-5-uchenikov-russkikh-shkol.d?id=20454266> (Accessed: 8th September 2019).
30. BBC Russian Service. (2013) *Latviya: kak pishut uchebniki istorii* [Latvia: How History Textbooks Are Written]. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (Accessed: 8th September 2019).
31. *IA REGNUM*. (2013) Opros: zhiteli Latvii stali luchshe odnosit'sya k sovetskim vremenam [Poll: Latvian Residents' Attitude Towards Soviet Times Has Improved]. 16th March. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/1636769.html> (Accessed: 28th October 2020).
32. rus.DELFI.lv. (2013) *Issledovanie: latyshii stali menee negativno odnosit'sya k sovetskomu periodu* [Study: Latvians Have Become Less Negative Towards the Soviet Period]. 15th March. [Online] Available from: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshii-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554> (Accessed: 23rd November 2020).
33. Makarov, V. (2009) “Boi za istoriyu” v Latvii [“Battles for History” in Latvia]. In: Bomsdorf, F. & Bordyugov, G. (eds) *Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve – II* [National Histories in the Post-Soviet Space – II]. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO–XXI. pp. 148–157.
34. *RIA Novosti*. (2015) “Pervyy Baltiyskiy Kanal” obzhaluet reshenie Natssoвета Latvii o shtrafe [‘First Baltic Channel’ to Appeal the Decision of the Latvian National Council on the Fine]. 23rd October. [Online] Available from: <https://ria.ru/20151023/1307120312.html> (Accessed: 25th November 2020).
35. *RIA Novosti*. (2019) V Latvii reshili priostanovit' veshchanie devyati rossiyskikh telekanalov [Latvia Decides to Suspend Broadcasting of Nine Russian TV Channels]. 20th November. [Online] Available from: <https://ria.ru/20191120/1561168063.html> (Accessed: 25th November 2020).
36. Volkov, K.V. (2020) Latvii zapretili veshchanie semi telekanalov RT [Latvia Bans Broadcasting of Seven RT TV Channels]. *Rossiyskaya gazeta*. 30th June. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html> (Accessed: 25th November 2020).
37. rus.DELFI.lv. (2016) *Issledovanie: chto delali by russkie i polyaki Litvy, esli by na strany Baltii napala Rossiya?* [Study: What Would the Russians and Poles of Lithuania Do if Russia Attacked the Baltic States?]. 8th August. [Online] Available from: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (Accessed: 27th November 2020).
38. Kamenchuk, O.N. & Fedorov, V.V. (2009) Voyna, stavshaya Velikoy i Otechestvennoy: o vospriyatii Vtoroy mirovoy voyny v rossiyskom obshchestve [The War That Became the Great Patriotic War: On the Perception of World War II in Russian Society]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. S4. pp. 311–318.
39. Beluza, A. (2016) Soyuz nostalgii. O raspade SSSR sozhaleyut bol'she poloviny rossiyan [Union of Nostalgia. More Than Half of Russians Regret the Collapse of the USSR]. *Rossiyskaya gazeta – federal'nyy vypusk*. 5th December. p. 3.
40. Mukhametshina, E. (2020) Tri chetverti rossiyan schitayut sovetскую epokhu luchshey v istorii strany [Three Quarters of Russians Consider the Soviet Era the Best in the Country's History]. *Vedomosti*. 24th March. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (Accessed: 7th February 2021).
41. *Pravda*. (1989) Postanovlenie S'ezda narodnykh deputatov SSSR o pakte Molotova–Ribbentropa ot 24.09.1989 g. [Resolution of the Congress of People's Deputies of the USSR on the Molotov–Ribbentrop Pact of December 24, 1989]. 28th December.
42. *Interfaks*. (2017) Pochti 40% rossiyan ne vspomnili o sushchestvovanii pakta “Molotova–Ribbentropa” [Almost 40% of Russians Did Not Recall the Existence of the Molotov–Ribbentrop Pact]. 13th September. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/578864> (data obrashcheniya 10.02.2021).
43. Anon. (2009) *Issledovatel'skiy proekt “Vospriyatie molodezh'yu novykh nezavisimyykh gosudarstv istorii sovetskogo i postsovetского periodov”, april'–may 2009 g.: kratkiy analiticheskiy otchet* [Research Project “The Perception of the History of the Soviet and Post-Soviet Periods by the Youth of the New Independent States”, April–May 2009: Brief Analytical Report]. Moscow: Evraziyskiy monitor; Sotsiologicheskaya masterskaya Zadorina.

Сведения об авторе:

Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: zverew.kir@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zverev Kirill A. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: zverew.kir@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 13.12.2021; accepted for publication 17.09.2025